

Е. А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е. А.
Салиаса**

Том 7. Атаман Устя. Свадебный бунт.

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 7. Атаман Устя. Свадебный бунт. / Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2024. – 500 с.

ISBN 978-5-458-52677-7

ISBN 978-5-458-52677-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Широкое раздолье!.. Далеко во всё края раздвинулись зеленя пустыя равнины, а по нимъ змѣемъ могучимъ вьется и бѣжитъ матушка Волга, катить свои сѣрья и бурливя волны, плескаясь о берега, прорывая и обмывая горы и холмы... Выйдя на свѣтъ Божій въ лѣсахъ дремучихъ коренной, исконной Руси, пробѣжавъ сотни верстъ мимо православныхъ городовъ и весей, холмовъ и долинъ, несется безъ устали среди всякой татарвы и нехристей упасть и сгинуть безслѣдно въ пучинѣ моря Каспія.

И важенъ, гордъ, сказываютъ, Каспій, что проглотилъ матушку Волгу. А не будь ея—не было бы и его на свѣтѣ.

Тамъ, далеко, выше, были города древніе, многочюдные, Тверь, Ярославль, Нижній-Новгородъ, со стѣнами зубчатыми, теремами боярскими, съ храмами златоглавыми, а ниже—татарка Казань глянула издали съ башнями и минаретами. А здѣсь, чѣмъ дальше, то глуше. Направо, горы да бугры дикіе, сплошь лѣсомъ поросшіе, скалы, дебри, а налѣво доли съ муравой да луга заливные, цвѣтистые, но и на нихъ всюду тишь мертвая, гладь безлюдная... Людей все меньше, звѣрья да птицы все больше!

Добрый человекъ въ эдакую дичь и глушь жить не пойдетъ. А ужъ гдѣ среди необозримой, мертвой пустоты за-

тишья и застоя попадется поселокъ, десятка съ два домишекъ да хибарокъ, уноси ноги, береги голову, живъ чловѣкъ; крестное знаменіе сотвори и минуй скорѣе, бѣги шибче прочь... Тутъ не простые хлѣбопашцы-обыватели пріютились, а вольница-негодница, сволочившись со всего свѣту, притонъ нашла и душегубствомъ жива.

Птицами небесными себя окаянные тѣ люди прозываютъ грѣховно. «Яко ни сѣютъ, ни жнутъ, а сыты бываютъ!»

Здѣсь мимо бѣгущая Волга-матушка то и дѣло кровью чловѣческой красится, то и дѣло отсюда въ сѣрыхъ волнахъ своихъ мертвецовъ уносить и волей-неволей душегубамъ потакаетъ, концы ихъ озорныхъ дѣлъ прячетъ.

Недалеко ужъ и до города Камышина, а тамъ и до Каспія осталось дскатиться. И берега все дичѣе, все безлюднѣе.

Вотъ острия горы мѣловыя съ бѣлыми, будто сахарными, маковками, съ ельникомъ густымъ по склонамъ. И чаща лѣсная густо сплетается и топырится отъ самыхъ оголенныхъ маковокъ, что бѣлѣются на синемъ небѣ, и до самыхъ береговъ, гдѣ набѣгаетъ и бурлитъ сѣрая волна.

Противъ устьяца рѣчки Еруслана, близъ самаго берега, въ котловинѣ межъ двухъ холмовъ, за которыми высится въ небо бѣлая мѣловая гора, — расчищенный яръ, и на немъ жилье, съ десятокъ хатъ. А тамъ, среди густого ельника, по скаламъ холмовъ, еще попряталось нѣсколько хижинъ, а посрединѣ на высококомъ бугрѣ, на краю каменистаго обрыва, — большая сѣрая развалина. Мѣсто это и поселокъ зовутся — Устинъ Яръ.

Половина развалины рассыпалась по бугру, и стоятъ стѣны будто рваныя... За то другая часть крѣпко еще держится, примыкая къ высокой башнѣ съ полуразрушенной верхушкой... Можетъ статья — это башня сторожевая прежняго славнаго ханства Астраханскаго. Можетъ, — мечеть татарскаго городка, безслѣдно пропавшаго, а можетъ, — была колокольней при храмѣ святой пустыни, а вся развалина была иноческой обителью, что разорили нехристи.

Много годовъ этой развалинѣ: двѣсти, а можетъ и триста, можетъ и болѣе. Какъ про то знать? Кто тутъ среди безлюдья построился, когда жилъ, какъ кончилъ? Одному Богу извѣстно. Можетъ, святой подвижникъ отъ міра сюда удалился и зачалъ, отцы пустынники стекались и жили. А можетъ,

воины татарскіе изъ Астрахани дозоромъ тутъ стояли, русскаго царя и его воинства опасаясь...

. Теперь же по всѣмъ хижинамъ, среди чащи ельника, живутъ люди пришлые, разноплеменные, «сволока» со всѣхъ краевъ Руси. Голыдба, негодница, вольница.

Не охотой сволочилась она сюда, а ушла отъ неправды и безправья, иль не стерпѣвъ, согрѣшивъ — отъ суда укрылась. И не грѣхи свои замаливать собралась здѣсь, а обиды загуливать иль зло свое срывать съ неповинныхъ, иль накипѣвшій гнѣвъ ухаживать, иль горе размыкивать...

На разбитомъ баркасѣ, что лежитъ сгнившій, дыравый, вверхъ дномъ у самаго берега, на половину въ водѣ, умѣстился сѣдой старикъ съ бѣлой бородой. Годовъ ему счету нѣтъ, а прозвище Бѣлоусъ.

Три удочки закинута у него въ воду и воткнута въ дырѣя баркаса; два поплавокъ тихо лежатъ на водѣ, а третій ужъ давно прыгаетъ и ныряетъ, и круги бѣгутъ отъ него во всѣ стороны, но старикъ-рыболовъ задремалъ на солнышкѣ и не видитъ, что рыбка клюетъ... Попрыгалъ поплавокъ и легъ тоже тихо, — знать, сорвала рыба червяка... Вотъ и другой запрыгалъ рядомъ, прозѣваетъ и этого дѣдушка... Нѣтъ, вотъ очнулся старый; увидѣлъ, хватъ за удочку, вытянулъ лесу, да запоздалъ; крючекъ безъ червяка...

— Ахъ, ты, егоза. Сожрала... заворчалъ Бѣлоусъ, надѣвая другого червяка... То и дѣло жреть. Обучилась.

Закинулъ опять старикъ удилице и, помаргивая на поплавки, на воду сѣрую, думаетъ да ворчитъ и шамкаетъ беззубымъ ртомъ.

— Вотъ и рыбка тоже разбоемъ живетъ. Ты ее подсиживаешь, будто проѣзжаго купца на дорогѣ, а она нарочитъ тебя обманно взять. Съ крючка, что есть, стянуть, да уйти... Разъ, другой, третій клюнетъ, а тамъ и въ котелокъ ко мѣ и въ уху. Изъ нашихъ тоже иной все клюетъ да клюетъ, да нарвется и на лобномъ мѣстѣ въ городѣ голову и сложить. Вотъ теперь атаманъ пеняетъ: гдѣ Измаиль? гдѣ Петрынь? А они, поди, въ острогѣ, а то и въ Сибирь собираются, а то давно и въ аду кромѣшномъ обрѣтаются. Сложили головушки, напоровшись на кого, да прямо и къ саганѣ. Прости, Господи. Другого имъ мѣста на томъ свѣтѣ не полагается. Стой! Стой! Погоди, крикнулъ дѣдъ, увидя средній поплавокъ, что мигалъ на водѣ и круги пускалъ.

Тихонько дернул дѣдушка Бѣлоусъ удочку, согнулось удилище, натянулась леса и потащилъ дѣдушка, ухмыляясь и не спѣша... Вотъ заплескало брызгами у края баркаса, перехватилъ дѣдъ бичевку и вытащилъ изъ воды бьющуюся серебрястую рыбку. Застучала бѣдная объ доски, завертѣла хвостомъ въ рукѣ дѣда и шлепнулась въ кадущку его.

Надѣлъ Бѣлоусъ снова червяка, закинулъ уду и сталъ было додумывать думу свою: гдѣ теперь Измаилъ съ Петрынемъ? Да не додумалъ дѣдъ и снова задремалъ.

II.

Вдоль по холму, со стороны поселка, показался мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати. Подпрыгивая и напѣвая, онъ прошелъ было мимо Бѣлоуса, но вдругъ завидѣлъ старика внизу на баркасѣ, и лице его просіяло шаловливой усмѣшкой.

— Дѣдушка! А, дѣдушка? взвизгнулъ онъ, спустившись внизъ.

Старикъ очнулся, но не обернулся.

— Дѣдушка! крикнулъ мальчуганъ громче.

— А-съ? Чего? Кто тамъ? обернулся Бѣлоусъ.

— Дѣдушка, правда-ль, сказываютъ, ты водяного поймалъ... усмѣхаясь выговорилъ мальчуганъ заученныя слова.

— Постой на часъ. Я те дамъ... вскрикнулъ вдругъ Бѣлоусъ,—лясникъ... пустомеля.

Старикъ сдѣлалъ движеніе, будто хочетъ встать. Мальчуганъ отбѣжалъ шаговъ на пять въ гору и, смѣясь, остановился.

— Небось, не догонишь. Не пужай.

— Погоди. Ужотка... дома... я те дамъ...

— А что дашь... Я возьму. Водяного что-ль?

— Вихры надеру, поганцу.

— А вотъ и не надерешь...

Мальчуганъ Гаврюкъ усѣлся на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и, будто удовольствовавшись шуткой, которой весь поселокъ давно дразнилъ Бѣлоуса,—задумался о чемъ-то.

— Дѣдушка,—вскрикнулъ онъ снова.

— Ну?

— Сдѣлай мнѣ удочку. Я съ тобой удить буду...

— Гдѣ тебѣ, дураку... Иди лучше поглядывай за моими поплавками.

Мальчикъ спустился ближе, но остановился шагахъ въ трехъ отъ старика.

— Чуръ, не драться, дѣдушка.

— Ну, ну... Иди. Небось.

— То-то. Смотри. Ты обѣщался... просилъ мальчуганъ, неувѣренно приближаясь къ баркасу и вглядываясь въ лицо Бѣлоуса.

— Садись вотъ... Ну...

Но едва только мальчуганъ очутился на подачу руки отъ старика—какъ тотъ ухватилъ его за штанишки.

— Я тебя! поганецъ!..

— Дѣдушка! Дѣдушка!.. Не буду... Ёй-ей. Ты обѣщался. Дѣдушка... отчаянно завопилъ мальчуганъ, какъ если-бъ его рѣзать собирались. Мальчуганъ свалился на земь и началъ брыкать ногами, удерживаясь за кустъ рукой.

Бѣлоусъ, ухвативъ его за одну ногу, тащилъ къ себѣ... Наконецъ старикъ выбился изъ силъ, выпустилъ ногу мальчугана, но успѣлъ разокъ треснуть по немъ ладонью, а въ другой разъ попалъ мимо по баркасу.

Мальчуганъ, освободясь, съ хохотомъ клубкомъ откатился въ сторону...

— Смотри, дурень, въ воду скатись! вскрикнулъ Бѣлоусъ. Егоза поганая... Ну, иди. Садись. И вотъ сторожи за этимъ поплавкомъ; чуть шелохнется—тащи...

Мальчуганъ понялъ по голосу дѣда, что онъ больше его не тронетъ. Онъ храбро подошелъ и усѣлся рядомъ съ нимъ.

— А поглядѣть? Можетъ червяка-то ужъ и нѣту... важно заявилъ онъ.

— Погляди. Что-жь.

Мальчуганъ вытащилъ удочку изъ воды и, найдя крючокъ пустымъ, заговорилъ еще важнѣе.

— Вонъ оно по моему и есть! Это что-жь за уженье? Эдакъ, дѣдушка... и водяного не поймаетъ! пробурчалъ онъ.

Бѣлоусъ замахнулся, мальчуганъ отклонился отъ него въ сторону и заоралъ визгливо.

— Не буду. Ёй Богу, не буду...

Онъ взялъ червяка изъ разбитаго горшечка, который стоялъ около Бѣлоуса, и сталъ нацѣплять его на крючокъ. Червякъ извивался и скользилъ...

— Ишь вертится! Ишь вертится! Не любишь этого...

— Кому это полюбится! заговорилъ Бѣлоусъ. Дакась вотъ

бета пропорятъ такъ-то. Вотъ какъ хивинцы на колъ православныхъ сажаютъ. Тожъ и червяку. Тварь Божья.

— На колъ. Какъ на колъ?.. Нешто можно сидѣть на колу?

— Затѣмъ, Гаврюкъ, и сажаютъ, что нельзя. А кабы можно было на емъ сидѣть, такъ и не сажали бы.

— Ты сидѣлъ что-ль, дѣдушка?..

— Нѣту-ти. Зачѣмъ. Богъ миловалъ. Я просто въ полонѣ былъ у нихъ... Полгода въ арыеѣ сидѣлъ! прихвастнулъ Бѣлоусъ.

— А много ты, дѣдушка, походовъ дѣлалъ?

— Много. Счетъ потерялъ. И на нѣмца, и на хивинца, и на турку, и на крымцевъ! сочинялъ дѣдъ.

— Это вотъ Алимъ-то нашъ откуда?

— Да. И Алимъ оттуда. Городъ у нихъ—Бахчисарай звать, гдѣ ихъ ханъ проживаетъ людоѣдъ и сто стовъ женъ имѣеть.

— Зачѣмъ?

— Что зачѣмъ?

— А женъ-то столько? Сто стовъ? Шутка!

— А стало быть дѣвокъ что-ль много, дѣвать некуда. Или то же—законъ такой.

— Это подъ затылкомъ что-ль?

— Чего? Чего подъ затылкомъ?

— Законъ? Стало здѣсь вотъ? вымолвилъ Гаврюкъ, закинувъ руки за спину и показывая себѣ на шею.

И чего ты брешешь, щенокъ.

— Да какъ же, дѣдушка. Сказывалъ атаманъ вчера, что коли долго Петрынь не ѣдетъ, стало его словилъ воевода... И, стало, ему по закону голову отрубятъ...

Бѣлоусъ разсмѣялся весело и сталъ толково разъяснять, что такое законъ.

— Понялъ, глупая голова?

Гаврюкъ потрясъ курчавой головой.

— Гдѣ-жь ее болѣ рубить! Коли рубить, то, знамо дѣло, на шеѣ, альбо пополамъ перерубить... А атаманъ сказывалъ: по закону. А ты вонъ совсѣмъ околесную понесъ...

— Дурень ты, дурень... То тѣло человекъ, а то законъ! началъ было опять Бѣлоусъ вразумительно, но вдругъ увидѣлъ запрыгавшій поплавокъ и, схвативъ удочку, потащилъ рыбу мимо баркаса на берегъ.

— У-у, здоровая... Окунь...

Скоро рыба прыгала уже на песокъ, а Гаврюкъ ловилъ ее и старался изъ всѣхъ силъ удержать въ рукахъ. Большой окунь, сіяя и блестя на солнцѣ, бился, хлесталъ мальчугана хвостомъ по животу и широко разѣвалъ пасть.

— Давай. Не справишься! Упустишь еще...

Старикъ и Гаврюкъ общими силами отцѣпили рыбу отъ крючка и бросили въ кадучку съ водой. Рыба плеснула раза два, всполошила остальную засыпавшую рыбу и стихла..

Старикъ весело закинулъ удочку и снова началъ свои любимыя и вымышленныя розказни про походы. Мальчуганъ слушалъ, изрѣдка переспрашивая.

— Тогда я былъ не то, что вотъ нынѣ... Солдатъ былъ, а не бѣглая собака. Царю служилъ. А нынѣ вотъ на разбойниковъ служи. Рыбу имъ лови... Да не сгуби командиру, теперь бы дома былъ.

И старикъ безъ умолку болталъ и привиралъ, будто себя тѣшилъ. Вскорѣ мальчугану надоѣло сидѣть надъ удочкой, и онъ собрался уходить.

— Прискучило. Ну, ступай. Гдѣ тебѣ ловить!

— Дѣдушка, ты мнѣ ввечеру дудку сдѣлаешь? Я камышинку припасу. Найду хорошую. Сдѣлаешь?

— Ладно. Только махонькую. За большой возни много, отозвался дѣдъ. Отойдя отъ старика вверхъ на нѣсколько шаговъ, Гаврюкъ остановился и вдругъ крикнулъ съ пригорка, какъ если бы забылъ что!

— Дѣдушка! Дѣдушка?

— Чего? быстро обернулся Бѣлоусъ.

— Правда, ты водяного поймалъ? разсмѣялся мальчуганъ.

— Ахъ ты, поганецъ! скажи на милость. Ну, постой. Я те ужотка...

Мальчуганъ запрыгалъ, громко хохоча, и пустился бѣжать къ поселку.

— Отъ земли не видать... заворчалъ старикъ. А ужъ озорной! Ему скоро—и въ разбой пора.

III.

Дѣдушка Бѣлоусъ остался на своемъ баркасѣ и началъ опять подремывать. Рыба клевала съ крючковъ червячки, а Бѣлоусъ тоже клевалъ носомъ въ пустѣ... Но вотъ среди дремы вдругъ встрепенулся Бѣлоусъ и ахнулъ, и глаза открылъ...

— Тьфу! плюнулъ онъ сердито. До чего заспался середь бѣла дня. Всякая мразь полѣзла! забурчалъ онъ на самого себя. Да и рыбки-то мало, заругаетъ атаманъ. Скажетъ: дармоѣдъ. Скажетъ: не умѣешь рыбу ловить—иди съ нами работай. Человѣковъ погублять!.. А куда мнѣ? Мнѣ скоро помирать и отвѣтъ предъ Господомъ душевнѣкъ моей скоро держать придется... Вишь, дрыхунъ эдакій. Съ утра тутъ, а рыбы всего мало.

И дѣдушка, будто пообѣщавшись себѣ больше не засыпать, перемѣнилъ на удочкахъ червяковъ, нацѣпилъ свѣжихъ, закинулъ леси и выпрямился на баркасѣ бодрѣ и веселѣе.

— Да, старость... забурчалъ дѣдъ. Помирать пора. И годато мои другіе, лядаціе, да и времена-то другія на Руси, варварскія, безпутныя, да и люди-то нонѣ почти не въ примѣръ хуже. Все негодница, душегубы... Честныхъ людей все менѣ, а воровъ, да лиходѣевъ,—все болѣ да болѣ... А все потому, что Бога прогнѣвали! Былъ царь Петръ Лексѣичъ, прибралъ его Господь, и пошли на Руси править царицы. Вотъ оно все прахомъ и идетъ. Нешто это бабѣ дѣло—государствовать? Да и не живучи онѣ. Вотъ за тридцать годовъ со смерти императора всероссійскаго ужъ третья царица государить. То была Катерина Лексѣевна, а тамъ—Анна Ивановна, а нонѣ третья—Лизаветъ Петровна годовъ ужъ болѣе десятка царствуетъ. И все-то бабы... Вотъ лихія времена и пошли. Добрымъ людямъ—черенъ день пришелъ, а негодницѣ всякой—масляница. Хошь сытъ быть—иди въ лютые разбойнички... Вотъ и я этакъ-то въ разбойникахъ нанявшись батракомъ. Спасибо: рѣка кормить, рыбка есть. А не клюй рыбка... Атаманъ скажетъ: «иди съ нами, дармоѣдъ. Душегубствуй!» А нешто мнѣ можно. Хорошо молодымъ. Ихъ вѣкъ дологъ, поживетъ, покается въ грѣхахъ и душу свою, смотри, и спасетъ. Бываетъ, вѣстимо, что и молодой вдругъ нарвется, убьютъ. И предстанетъ его душа негаданно предъ Господомъ. Ну, Батюшка, Отецъ небесный, простить, призрѣть на младость и малоуміе. А мнѣ ино дѣло! Мнѣ душегубить не рука. Не нынѣ-завтра помрешь, вотъ на томъ свѣтѣ до Господа и не допустятъ, а скажутъ тебѣ ангелы да угодники Божьи: «ты чего-жъ это, старый хрычъ, злодѣйствовалъ? У тебя смерть за плечами ужъ была, тебѣ бы старые грѣхи замаливать, а ты на старости новыхъ натворилъ? Взять его, лютаго грѣшника, во адъ, на сковороду!..» Да. Вотъ тогда на всю жисть и пропадешь,

вѣки вѣчныя въ печи огненной и гори... Нѣтъ, тебѣ, Трифонъ, лиходѣить не рука... Тебѣ вотъ рыбку ловить!.. А ты какъ на бережокъ, такъ дрыхать. Сейчасъ вотъ мразь всякая полѣзла. Воевода Камышинскій привидился и будто въ плети и въ клейма указалъ взять. Э-эхъ-ма!..

Бѣлоусъ, переставъ дремать и слѣдя за удочками, чаще и чаще вытаскивалъ рыбу, и скоро кадушка стала наполняться черезъ край.

Дѣдушка не былъ рыболовомъ по охотѣ или съ молодю. Бѣлоусъ по прозвищу, онъ былъ крещенъ во имя святого Трифона... И всю жизнь такъ звался, пока не попалъ на Поволжье, гдѣ свое имя мѣское всякъ вмѣстѣ съ совѣстью въ матушку Волгу будто закидывалъ, а она знать уносила и совѣсть, и имячко въ Каспій. Всякъ тутъ другимъ именемъ крестился, а если и продолжалъ зваться именемъ угодника, то съ кличкой пополамъ. А ужъ по прозванью своему, по родинѣ, по округѣ или по городу какому и селу никогда никто не сказывался и такъ крѣпко затаивалъ, что иной разъ и самъ чуть не позабывалъ, откуда онъ родомъ. А таить надо. Неровенъ часъ, грѣхъ какой. Попадешься командѣ, да другъ-пріятель и выдастъ. «Онъ де, такой сякой, изъ-подъ Костромы, или Нижняго, или Владиміра». Да и деревню назоветъ, и пойдутъ волочить волокитой, да съ села-то и родныхъ, и дѣтей, и кумовьевъ всѣхъ притянутъ и запутають... И своимъ грѣхомъ безвинныхъ загубишь. А вотъ зовись-ка Бѣлоусъ, Орелка, Клинь, Чупро, Беркутъ, Соврасъ, альбо еще какъ желаетъ атаманъ, либо молодцы. Попался! «Какъ звать?» «Беркутъ!» «А имя во святомъ крещеньи?» — «Запамятовалъ!» — «А откуда родомъ?» — «Не упомяну. Маль-малешенекъ, глупъ-глупешенекъ, середь поля остался и отца съ матерью не упомяну, а взять былъ разбойниками и обученъ ихъ дѣлу...» Вотъ тутъ волокита и нищи-свищи твоихъ сродственникововъ. Помается да такъ тебя, Бѣлоуса или Орелку, и пропишетъ, да такъ съ этимъ прозвищемъ и острогъ, и кнутъ, и Сибирь, и все пройдетъ. Никому не въ укоръ, никому не въ безчестье и своимъ не на горе и бѣды. Такъ-то вотъ, сказываютъ, одинъ палачъ одного добра молодца острожнаго, прозвищемъ Шестерика, заглазно нахвастался и напросился воеводѣ — шестерить. Руки, ноги и башку пополамъ рубить. Воевода дозволилъ. Анъ глядь, Шестерикъ-то—его же палачевъ бѣглый сынъ, котораго онъ семь годовъ искалъ, надры-

вался да плакался... Вотъ и шестери сына родного—не будешь хвастать.

Дѣдушка Бѣлоусъ именемъ былъ Трифонъ, по прозвищу Сусликовъ, съ вотчины боярина князя Голицына, изъ-подъ Костромы. Былъ Тришка, парень въ двадцать лѣтъ, молодчина собой, попался на глаза боярину въ побывку его въ вотчинѣ, и взялъ его князь во дворъ, увезъ въ Москву и нарядилъ казачкомъ.

А былъ его бояринъ Голицынъ первый человекъ въ Москвѣ и во всемъ государствѣ. Давно то было... Сколько годовъ тому, дѣдушка Бѣлоусъ помнить не можетъ. Былъ у нихъ въ позапрошлый годъ, приходомъ ко святымъ мѣстамъ—монахъ, грамотѣй и умница. Взяли его молодцы на дорогѣ и привели къ атаману. Опросивъ старца, атаманъ отпустилъ его, да еще покормить велѣлъ. Вотъ разговорился съ нимъ Бѣлоусъ о себѣ, молодыхъ годахъ да о бояринѣ своемъ. Счелъ старецъ года его и сказалъ: «Ну, Бѣлоусъ, тебѣ, поди, девятый десятокъ лѣтъ идетъ. Вѣдь то все было еще при царѣ Феодорѣ, альбо при царевнѣ Софѣѣ. Другой тогда вѣкъ былъ, не нашъ. Нынѣ новый вѣкъ идетъ.»

— Воистину другой вѣкъ то былъ! поминаетъ часто теперь Бѣлоусъ. Другой вѣкъ—люди другіе. Да и годамъ-то счетъ нынѣ невѣрный пошелъ. Антихристовъ счетъ.

Бѣлоусъ хорошо помнилъ, какъ по грѣхамъ людскимъ много мѣсяцевъ года сгнули вдругъ, по сатанинину увѣту. Новый-то годъ всегда приходился объ осень, при теплѣ, послѣ жнитва до молотбы. А тутъ вдругъ разъ новый годъ пришелъ средь зимы лютой, послѣ Рождества Христова. И пропали цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, будто дьяволъ ихъ укралъ и унесъ. И грѣхъ какой выпелъ. Нынѣ Господь Иисусъ Христосъ въ одномъ году сначала крестится, а потомъ воскресаетъ изъ мертвыхъ и уходитъ на небо, а опосля того, вишь, родится. Послѣ Вознесенья-то!? А прежде перво-на-перво въ году праздновали Рождество Христово, а Вознесенье въ концѣ года. И что было смуты! Кто говорилъ — восемь мѣсяцевъ дьяволъ унесъ, а кто сказывалъ, четыре мѣсяца лишнихъ выпало отъ дьявола. Кумъ Бѣлоуса разорился, отъ того и по міру пошелъ. Впрочемъ, долго еще народъ втихомолку по своему считалъ. А въ скитахъ отцы и старцы по сю пору еще на истинный ладъ счетъ ведутъ. Они сказываютъ: по Божьему счету новый годъ начинается передъ Рождествомъ Богородицы, а нынѣш-